

Фрагмент выступления Л.Г. Дорофеевой (Калининград, РГУ им. И. Канта) на тему
**«Аксио-анализ как путь герменевтического исследования
 (на материале древнерусской литературы)»**
 на первом международном научном семинаре «Филологическая наука: история и
 современность, школы и методы, проблемы и перспективы» (11.04.2008 г., Полоцк)

Категория смысла – это основная категория герменевтики. Интерпретация какого-либо явления культуры, произведения может считаться завершённой, если обнаружен, понят смысл этого явления, произведения. Однако категория смысла не является очевидной и тем более простой. Мы всегда находим только то, что ищем и осознанно, а чаще всего неосознанно, пользуемся той или иной теорией смысла. В истории герменевтики, которая есть учение о принципах интерпретации текстов, как раз вопрос о принципах до сего дня остаётся открытым. Литературоведы балансируют между субъективным произволом в понимании текста и стремятся освободиться от личности истолкователя и от привнесения проблематики современности. Поэтому сегодня по-прежнему идёт поиск теории смысла, обуславливающий принципы интерпретации.

Лингвист профессор Камчатнов в книге «История и герменевтика переводов славянской Библии», обстоятельно просматривает имеющиеся концепции смысла от школы Филона, от Иоанна Златоуста, Александрийской и Антиохийской школ, вплоть до XX века и говорит о перспективности, кстати, очень хорошо критикует теорию концепта, не принимая её, но это должен он рассказывать, чтобы это действительно соответствовало его мысли. Он говорит о перспективности теории онтологического понимания смысла, онтологически-энергичная теория, которая, во-первых, представлена в России именами П. Флоренского, С. Булгакова, книгой А.Ф. Лосева «Философия имени», и, во-вторых, именем немецкого философа Гадамера, фактически, создателя философской герменевтики. Какая мысль Гадамера близка мне? Он возражал против субъективистского толкования. Понимание состоит не в том, чтобы встать на точку зрения автора, и не в том, чтобы выразить своё мнение. Главное в понимании по Гадамеру – это само дело, суть дела, которая является не только моим делом, или делом автора, но нашим собственным делом. Автор и интерпретатор общаются не на почве своих переживаний и мнений, а на почве общего дела, которым они оба захвачены. Сохранить автора, сохранить интерпретатора, сохранить текст, сохранить ту объективную реальность, которая является предметом художественного переживания автора и, соответственно порождающим художественное целое. Иначе говоря, должен быть главным поиск того объективного смысла, который являет собой художественный текст в процессе диалога исследователя с автором. Как добиться понимания смысла, не ограничиваясь ни точкой зрения автора, ни ... вот о чем говорили, текст всегда всё равно больше автора. Здесь уместно привести мысль, тоже мне близкую, профессора Есаулова Ивана Андреевича, который выделяет два подхода к пониманию художественного произведения. Делает он это с опорой на мысль Бахтина, выделяя историко-литературный и мифопоэтический подходы, говорит об их недостаточности для понимания произведения. Предметом исследования была русская литература, и именно для русской литературы он делает акцент, что необходим третий подход, исходя из постулата существования различных типов культур, типов ментальности. Фактически, он говорит о духовном, религиозном контексте произведения как третьем измерении. Учёный уверен, «само выделение третьего измерения и его адекватное научное описание возможны лишь при определённом аксиологическом подходе исследователя к предмету своего изучения». Потому что неэтично даже... с точки зрения идеологии марксизма-ленинизма, как это было в советское время, рассматривалось абсолютно всё, и соответственно некорректные выводы. И до сего дня это всё у нас в наличии. Что дает аксиологический подход к анализу текста, и почему мы утверждаем, что это очень продуктивный метод раскрытия смысла художественного произведения? Рассмотрим на примере произведения древнерусской литературы, по отношению к которой до сего дня, нужно сказать, особо остро стоит проблема интерпретации смысла, чаще всего привязанного изучающими русское средневековье не к естественному для древнерусского писателя христианскому контексту, а к внеположенному самому тексту атеистическому, порой идеологическому классовому мировоззрению. Отсюда очень много выводов. По-прежнему повторяется, постоянно твердится: идея сильной личности, идея сильного государства, главная цель – патриотизм, просто на слуху, всё это уже навязло в зубах. Вот, поэтому наша задача интерпретировать произведение древнерусской литературы в свойственном ему христианском контексте с точки зрения ценностного содержания, и тут все методы хороши. Обратимся теперь к «Слову о полку Игореве». Предварительно заметим, что в древнерусской литературе вообще-то нет безоценочного поля или третьего, безразличного к добру и злу места, и позиция книжника чётко прояснена и всегда соответствует христианским заповедям, если говорить о литературе вплоть (исключая повесть о Дракуле) до середины XVII века. Вслед, за профессором Ужанковым Александром Николаевичем, известным сейчас медиевистом (он много сейчас сделал, вышла его монография по древнерусской литературе), и Д.С. Лихачевым мы считаем, что главной целью древнерусского книжника, а значит, и главной идеей

книжности было спасение души. Аксиологическое пространство произведения к которому мы обращаемся, это «Слово о полку Игореве» по нашему глубокому убеждению, организовано именно этой идеей спасения души, а не выламывается и не выпадает из контекста своего времени, как и остальные древнерусские тексты этого периода. Изображаемое конкретно-историческое событие – поход князя Игоря помещается в это аксиологическое поле, организуемое идеей спасения, благодаря чему событие приобретает духовное, сакральное измерение. Центральный персонаж – князь Игорь, его ценностный выбор определил сюжетное развитие и стал главным предметом авторской художественной рефлексии. Как известно, гениальный автор «Слова...» решает в качестве главной проблему единства русской земли, и эта тема даже в зубах навязала, и никуда не денешься, – вот как ни спросишь, хоть ночью, любой ответит: это призыв к единению. Ну, хорошо, только ли призыв к единению? Этим ли может ограничиться произведение, концентрирующее национальную идею, за что все время вокруг него борьба? На наш взгляд, конечно, не только призывает к нему. Это не призыв кота Леопольда «Давайте жить дружно», оно стремится раскрыть и показать истинную причину разобщенности князей, приводящую к бедам.

И дальше мы обращаемся к тому методу, который тут уже часто проговаривается, мы обращаемся к главному слову-понятию. Мы находим это слово-понятие, я не беру слово «концепт», я его не проверила для себя, и у меня вызывает часто внутреннее сомнение, сейчас я убеждаюсь в своих сомнениях, значит, главным словом-понятием и словом-идеей в данном случае является «воля». Так как именно волевое самоопределение героя обусловило суть конфликта, тип сюжета, мотивировку поступков героев. Анализ этого слова-идеи также позволяет обнаружить иерархию ценностной системы авторов, что нам и нужно. Для этого чрезвычайно важен уровень исторического контекста. Поэтому прежде всего, нужно уточнить семантику слова «воля», свойственную древнерусской литературе раннего периода, к которому относится «Слово о полку Игореве». Я обратилась к книге Камчатнова «История и герменевтика славянской Библии», который реконструирует в своей монографии не дошедший до нас кирилло-мефодиевский перевод Священного Писания, а это уже всё-таки два века, люди живут в этой системе ценностей, организованной переведенным текстом, и христианством как способом жизни, православием. И Камчатнов разрабатывает православную онтологически-энергичную теорию языка на основе русской философской традиции. По отношению к слову «воля» Камчатнов устанавливает, что славянская «воля», как и греческое слово, относится к выражению одной и той же эйдетической сферы: намерений, волевой устремленности, желаний, связывает это именно с кирилловским переводом. Что мне было важно обнаружить? Что слова «желание», «вожделение», «восхотеть» являются, цитирую: «вариантами кирилловской редакции, и относятся к душевным, не духовным переживаниям, значит природным, не данным свыше, и означают состояние желания чего-либо, склонность к чему-либо, похоть», такая вот семантическая наполненность. Тут выводы Камчатнова совершенно соответствуют представлению о воле православной антропологии, по которой воля есть именно свойство души, а не духа. Так же в определении Лосского, в его дедогматическом богословии, основанном на святоотеческом учении. Воля есть действенная сила разумной природы. Она сама по себе не есть зло, но проводник зла. Зло вошло в мир через волю. Соответственно, мы видим, воля – та сила, которую человек направляет в соответствии с ценностным выбором, а дальше мы посмотрим в сюжете. Известно, одна воля Божия, это везде, все средневековые христианское, учение о трех волях. В этом смысле грехопадение есть самоопределение свободной воли, момент нравственный и личный. Далее мы обращаемся к анализу. Автор «Слова» в изображении героя обращается, на наш взгляд, к известной канонической средневековой схеме преобразования грешного человека. Подчиняясь своей греховной, а значит злой, воле, герой оказывается в ситуации искушения и затем, испытания, проходя которое он отказывается от воли своей и принимает волю Божию, явленную ему в самых обстоятельствах.

Вот схема пути Игоря. Первый этап: затмение, воины покрыты тьмой, Игорь смотрит на воинов и говорит: «лучше убитым быть, чем полонёным быть». Он прекрасно понимает, что его ждет. Смерть двенадцати князей рода Игоревы, Святославичей, связана с затмением. Но три раза повторяется «хочу», «хочу испить шоломом из Дону», и потом говорится: «и спал князю ум похоти и жалость ему знамение заступи». У Лихачёва перевод: «но ум князя уступил желанию». Если просто перевести, то «спал» – состояние падения, «похоть» – страстное желание, оно всегда несет негативную оценку, и соответственно желание это «затмение заступи» – раскрывается механизм утраты человеком своей внутренней свободы и, как результат, искажение внешнего пути. То есть автор даёт свой ответ о причинах поражения и плена Игоря. Это время, когда начинается плен Игоря. Герой попадает в плен своему желанию, похоти, то есть душевной страсти, его воля перестаёт быть свободной, но при этом не теряет силы, так как весь дальнейший путь до поражения и пленения есть выражение силы воли Игоря. Только в совершенно четкой оценке автора это – злая воля, неверная, искажающая путь, ведущая во тьму.

Наконец, эта сила становится для Игоря уже неодолимой, и во внешнем событийном ряду такое направление воли логично заканчивается тем, что он из золотого седла пересаживается в «кашеево», которое переводится как «рабское, невольничье». Так, по убеждению древнерусского автора сила своей,

«по своему замыслению», воли ведёт к неволе и плену. Таков путь Игоря в прямом его, собственно фабульном развитии, причём, авторская негативная оценка именно своей воли как своеволия, проявляется много раз, подчеркнута выявлена не только в отношении к Игорю. Автор говорит о губительности своей воли в князьях, которые стали говорить: «се моё, а то моё же», потому «сами на себе крамолу коваху», в то время как погане «сами емлеху дань...», что свидетельствует о полном разгуле своеволия, ведущего к хаосу, раздробленности и торжеству зла на Руси. Как же можно выйти из такой ситуации? Не оставил ли нас автор в неведении? Нет, конечно. Автор «Слова...» показывает этот выход через притчу о блудном сыне, присутствующую в тексте имплицитно. Герой возвращается из плена не в своё княжество, хотя летописи свидетельствуют, что он поехал в Новгород Северский, а потом в Киев. Автор прекрасно, по всей видимости, знал об этом, он современник. Но он акцентирует внимание. Он приезжает в Киев к старшему брату, и это есть выражение идеи его покаяния, значит, перемены мыслей, что есть такое, покаяние, метанойя, перемена мыслей, отказа от своеволия и гордыни, а так же перемены в отношении к русской земле, которая своё единство может сохранять только в братской любви князей друг к другу. Таким образом, архетипическую основу сюжета «Слова...» составляет притча о блудном сыне, следовательно, основные пространственные координаты, архетип отчего дома, чужой дальней страны, утраченного сыновства по своеволию, и затем обретенного по возвращению. Понятие «возвращение» в данном случае в «Слове...» благодаря духовному контексту евангельской притчи заключает в себе не столько пространственное, сколько духовное содержание, духовно-нравственное, возвращение к истинным ценностям через отречение от своеволия и гордыни. Вот почему и отечество, русская земля уже не за холмом, и солнце не застилает тьмой никого, сияет на русской земле, символично утверждая главную победу в духовном выборе русского князя. Характерно, что тональность финальных сцен в «Слове» соответствует тональности финала притчи: радость обретения отцом сына, идея полного прощения, и сыном дома, идея полного покаяния, звучит во всеобщей радости обретения русской землей вернувшегося князя Игоря. Поэтому идея единства и призыв к нему решается в историческом плане. Идея спасения – в трансисторическом. Соответственно в основе сюжетного развития – поход Игоря в его конкретно-историческом, нравственно-психологическом смысле. Метасюжет составляет возвращение блудного сына, притчу о блудном сыне, чему соответствует и соотношение этапов пути. Если в физическом пространстве «Слова» большую часть занимает описание похода, то в духовном – возвращение Игоря. И звучит не призыв, не вопрос, и не просто тема, а звучит ответ о причинах трагедии.

Пушкин объяснил природу трагедии смутного времени. Эта причина – грех. Но откуда это взялось? Вся древнерусская литература говорит о грехе, это главный, если говорить об отражении земной истории в древнерусских текстах, концепт, определяющий отношение человека с Богом и миром.

И теперь очень важный вопрос о языческих образах. Это один из самых главных аргументов, чтобы куда-нибудь пристегнуть автора. Часто что происходит? Констатация их присутствия – повод отнести автора к язычникам. В нашем университет есть историк, из года в год мы с ним спорим, он все время говорит студентам на истфаке, что это подделка. Причем у него очень интересные аргументы. Мне студентка рассказывала, а потом я с ним сама разговаривала. Он говорит: «Людмила Григорьевна, извините, пожалуйста, в XII веке не мог быть автор не христианином. – А там языческие образы. – Извините, поэтому это подделка».

Так вот что нам даст аксиоанализ. Нужно рассмотреть функцию языческих образов в сюжетном развитии в ценностном плане. Языческие боги появляются по мере удаления Игоря от «отня стола». Их влияния на пути Игоря, по сути, нет. Он сам делает выбор. По верному замечанию Николаевой, «необходимо сказать четко, что в развитии действия языческие боги не принимают участия, их функциональная нагрузка минимальна», она лингвист, она тоже исследовала этот текст, и вот к такому выводу пришла.

Следует отметить явную, заложенную в эти образы семантику зла. «Ветры Стрибожьи внуцы» появляются только после того, как русская земля скрылась за холмом, а она в свете остается. Словосочетание «достояние Дажьбожьего внука» связывается с именем Олега Гориславича, того кто усобицу сеял на русской земле. А те, кого в начале по ходу именуют воинами, дружиной, великими русичами, русскими полками, после поражения, называют войсками даждьбожьих внуков. И дева-обида, которую Есаулов назвал антибогородицей, вступает уже на землю, которая из-за усобиц стала опять «землей трояновой». По этой причине неведомые карна и жля поскакали по русской земле, символизируя плач и горе. Проявления своей воли у этих существ нет. Скорее это символическое выражение духовного состояния русской земли, оказавшейся в неволе не столько у половцев, сколько у своеволия князей, сказавших «се моё, а то моё же». Этим подтверждается характерный для христианства взгляд на скорби и беды как результат прежде всего собственных прегрешений, неверного выбора, жизни по своей, а значит по чужой, враждебной человеку воле, отпадения от воли благой. В конце Игорь возвращается к церкви, Богородице Пирогощей. Почему Игорю поют славу? Он был в плену, русская земля страдает. Потому что это возвращение к тем ценностям, которые являются основанием для единства русской земли, и русская земля уже

формируется как ценностно наполненное понятие. Оно не только географическое, оно обладает идеей, и внутренне глубоко осмысленно автором. Смысл, русская идея уже сформулирована, и это осознается и проверяется на историческом пути, в данном случае древнерусским автором.

Что можно сказать еще о языческих образах? Как действует природа? Затмение и все явления природы действуют согласно. Если это языческое мироощущение, миропонимание, то не должно быть такого согласия. Если по дороге на половцев Игорь встречает предупреждающие, останавливающие, знамения, то путь возвращения очень короткий. Все способствует тому, чтобы Игорь вернулся. Такие моменты свидетельствуют о теоцентрической картине мира, которая воплощена в произведении. Это глубоко христианский текст. У Ужанкова Александра Николаевича, есть интересные наблюдения, совершенно потрясающие. Исходя из мысли о том, что надо помнить об историческом контексте и учитывать сознание древнерусского человека этого периода, он посмотрел в церковный календарь. Первое мая затмение. 1 мая – день пророка Иеремии. Открывает «Плач пророка Иеремии», сопоставляет идейно и содержательно. Он обнаруживает там идею покаяния и возвращения, то есть, не несения плена. Делает глубокий текстологический анализ, обнаруживает сходство в сюжетном движении, в образной системе и так далее.

Таким образом, аксиоанализ духовного пространства текста позволяет установить, что языческие образы в христианском контексте преображаются, наполняются ценностной семантикой, свойственной христианскому взгляду на мир человека. Если они не могут преобразиться, возникает проблема канона. Это очень интересная проблема, она еще только открывается нам в своей глубине. Мне здесь близка точка зрения П. Флоренского, что канон есть сгущенный опыт человечества, то, что открылось; значит, та истина, которая открыта. Это принципиально важный для момент понимания канона, который по нынешним временам превращен в некий формальный набор. Но канон всё-таки связан со священным писанием и священным преданием. А священное предание есть священное предание. Оно связано с особым типом сознания и с особой традицией, ведь традиция как предание и переводится.

Выступление А.В. Коротких (Полоцк, ПГУ) на тему
«Возможности обогащения литературоведения методами смежных наук»
 на первом международном научном семинаре «Филологическая наука: история и современность, школы и методы, проблемы и перспективы» (11.04.2008 г., Полоцк)

С заявленной темой мы связываем несколько вопросов.

1. Какие науки по отношению к литературоведению можно назвать смежными?
2. Что может перенять литературоведение у других наук?
3. Что подразумевается под словом «обогащение», когда мы говорим о взаимодействии литературоведения с другими науками?

Оговоримся сразу: на эти вопросы у нас нет готовых ответов, наши предварительные выводы – приглашение к обсуждению.

Какие науки по отношению к литературоведению можно назвать смежными? На этот вопрос есть, как минимум, два ответа.

1. Любые науки, а также философия являются смежными не только по отношению к литературоведению, но и по отношению друг к другу. Во-первых, все науки созданы человеком, другими словами, субъектом познания во всех науках выступает человек. Во-вторых, все науки, в том числе точные и естественные, выражают познанную ими картину мира словами. Даже если наука использует свой язык формул или специальных символов, она вынуждена для объяснения того, что записано этими символами, порождать тексты. Таким образом, литературоведение может взаимодействовать с любой наукой, используя ее тексты, если сочтет это целесообразным. Например, для понимания художественного мира Николая Заболоцкого или Михаила Пришвина может потребоваться изучить философские труды русских космистов, работы астрономов, физиков и биологов.

2. Смежными по отношению к литературоведению являются гуманитарные науки: лингвистика, искусствознание, история общества, культурология, семиотика, социология, психология, богословие. Все эти науки изучают в качестве объекта человека и тексты, им созданные. Следовательно, один и тот же текст может быть рассмотрен со специфических позиций всех этих наук, литературоведческая интерпретация станет только одной из многих в ряду полученных другими науками.

Что может перенять литературоведение у других наук?

1. Методы, то есть пути исследования. В истории литературоведения такие заимствования случались многократно. Вспомним, например, психоаналитический и социологический подходы, структурализм.

2. Данные, теории, концепции. Здесь наиболее тесной является связь литературоведения с лингвистикой и, пожалуй, историей общества и историей культуры, если иметь в виду проблемы изучения литературного процесса, истории литературы.